

Нина Рябова

МОРОШКОВАЯ ПОЛЯНА

Рассказы

Москва
Интернациональный Союз писателей
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р98

Продюсер проекта Елена Наливина

Рябова, Нина
Р98 Морошковая поляна. Рассказы / Москва: Интернациональный
Союз писателей, 2025. — 100 с.

ISBN 978-5-6053405-4-6

Каждый рассказ в этой книге — воспоминание о пережитом, проверенное временем.

Автор не только делится светлыми детскими впечатлениями и радостями, но и доверяет читателю свои тайны, огорчения, раздумья.

Так, в рассказе о бабушке, любящей и знающей лес, ощущается какая-то грустинка, недосказанность. А в следующем — открывается правда о нелёгкой жизни этой женщины. В рассказе о новых сапожках видно, как непросто было матери и сапожнику доставить радость ребёнку.

В жизни нет второстепенных вопросов. Что лучше: передать красные туфельки в музей или близкому человеку? Вырубают лес, а как люди встретят его обитателей, которые приходят к ним?

Автор искусно, порой небольшими штрихами, как настоящий художник слова, воссоздаёт сложный мир человеческих взаимоотношений, то, что мы и называем правдой жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6053405-4-6

© Нина Рябова, 2025
© Интернациональный Союз писателей, 2025

ВСТУПЛЕНИЕ

Автобиографические рассказы и очерки Нины Рябовой для меня в мощной струе сегодняшней литературы, которая живительно восполняет пробелы родовой памяти русского человека. Она, эта литература, в основе своей не профессиональная, любительская, пришла к нам в девяностых годах и продолжается до наших дней. Плечом к плечу с опытными краоведами, историками, писателями стали работать сотни и сотни людей, стремящихся сохранить память о предках, о своей малой родине, запечатлеть в своих текстах навсегда уходящие в небытие деревни и сёла, судьбы людей, их жизнь, быт, нравы, взаимоотношения.

Читая рассказы Нины Рябовой, вновь и вновь остро переживаешь нашу трагическую историю, колхозы, войну, нечеловеческий труд женщин и детей, голод, простые радости деревенских людей. Казалось бы, что нового? Но каждый из таких собирателей родовой памяти — это ручеёк, который впадает в полноводную реку истории наших северных деревень. Он собирает судьбы и жизни людей, имена и фамилии безвестных доселе героев.

Написанные искренне, талантливо, записки Нины Рябовой ярко воскрешают жизнь людей Вологодчины, прежде всего сельской, воскрешают жизнь в мельчайших деталях, в оформлении слов редких, полузабытых или вовсе ушедших.

Я уверен, что такие книги могут стать в будущем для учёных, писателей, музейных работников основой

фундаментальных трудов, будут питать их, насыщать всё новыми и новыми незабываемыми фактами нашей истории.

Хочу поблагодарить всех бескорыстных собирателей нашей родовой памяти и среди них яркого их представителя, автора Нину Рябову из Череповца Вологодской области.

*Николай Васильев,
член Союза писателей России, редактор ежемесячной
литературной газеты Архангельской области
«Графоман»*

ЧАСТЬ 1

О БЫЛОМ

БЕЗОТЦОВЩИНА

День начинался весело. Кошка прыгнула на лавку, где я спала, но, видно, не рассчитала и провалилась на пол вместе с одеялом. Забарахталась на полу.

— Не даёшь девчонке понежиться! — Бабушка Ираида взяла вичку¹, которая была прикреплена к стенке шкафа, и слегка ударила баловницу.

— Всю ночь мурлыкала, перемыкала², уснуть не давала, а теперь бы поспать в тепле, убирайся.

— Не гоняй! — взмолилась я.

— Не дело это — обнимать кошку, брать под одеяло. Она с мышью играла всю ночь.

Бабушка Ираида знала мою слабость — спать с кошкой — и всегда ворчала. А мама молча выкидывала замурлыкавшую кошку из-под одеяла. Но кошка всё равно приходила ко мне. Когда она начинала мурлыкать, я легонько шлёпала её по носу, и она затихала на какое-то время. Потом снова начинала петь мне свою песенку. Мама просыпалась, прогоняла кошку, и мы все засыпали. Постель была расстелена на полу, кошка устраивалась у нас в ногах.

¹ Гибкий прут, ветка.

² Бегать туда-сюда.

Сегодня я спала на другом месте, на лавке, но она всё равно нашла меня. Правда, свидания не получилось.

— Спи, ещё рано вставать, — продолжала ворковать бабушка. — Я тоже не выспалась: Галина встала ни свет ни заря, кропала твои катаники³. Да что толку? Вар кончился, а тебя разве удержишь, побежишь кататься на Епри, а обуви надо берегчи. Ещё не конец зимы.

Она ещё что-то говорила, но я не слушала. Представила, что возьму лыжи, встану на них — и до вечера! Ну, не совсем до вечера, но всё равно долго буду кататься. Я поплотнее укрылась одеялом и стала мечтать, как еду с горы, не падаю, минуя куст, потом лыжи едут уже медленно, поворачиваю вправо, еду вдоль Талицы. Парни что-то кричат одобрительное, смеются. Счастливая, я уснула.

Спала недолго, быстро встала.

— И куда опять бежишь, егоза? Не напасёшься обуви.

Я вынесла лыжи, вставила в самодельные крепления ноги в валенках — и прямо от крыльца по родной Алфёровской!

О! Мои лыжи — зависть подружек. Широкие, короткие, красивые. Когда-то они были гордостью охотника, бежали быстро, не проваливались в снег: они же широкие, длинные! Потом сломались. Вначале отломился конец одной лыжи. Хозяин чего только не придумывал! Он пытался удлинить всякими способами, но ничего не получалось: высохшая сосна раскалывалась. Вот тогда и решил охотник укоротить и вторую лыжу. Получилось просто смешно: короткие лыжи годились только ребёнку, и то не для катания — для забавы.

— Возьми подарок от меня для твоей дочки, — протянул лёгкие лыжицы дедушка Егор маме. — Мои детки не оставили мне внуков — погибли в первые дни войны, наверное, вместе с твоим мужем... в псковских лесах.

³ Катаники — валенки. Кропать катаники — ремонтировать, подшивать валенки.

Палок не было, я их потеряла на Талицкой горе. Сил хватало бежать без палок. У последнего дома стояли запасные палки.

— Для неумех и забытох, — шутили ребята.

И вот я уже качусь по дорожке, что ведёт к реке. Глянешь вниз влево — дух захватывает! «Но это уже пройденный этап, — говорили наши парни, — трамплинов нет, катишься тихо, без ветерка».

«На Епри!» — решила я.

Епри — высокая гора. Вообще наша местность гористая, позднее я узнаю, что недалеко от нас, в деревне Семениха, центре Вологодской области, самое высокое место. А вокруг нашей деревни горы: Лисья, Злобишная (по названию деревни Злобиха), Пúпки Большие, Пúпки Маленькие, Мочище (их тоже два: Мочище Большое и Мочище Маленькое), Пулово, Горка, Горочка. И наши мальчишки объездили все горы, везде сделали трамплины. А вот Епри — это до конца зимы. Вершина горы голая. Снег там не держится, буйные ветры сдувают всё, обнажая песок и камушки. Когда начинает припекать, потом морозить, образуется лёд. Казалось бы, откуда взяться льду? Снега почти нет. Но ледяная корка никогда не исчезает. Эту гору не обойти, не объехать, и забираются на неё на четвереньках. Никто не стесняется, хотя зрелище забавное: доходят до вершины, плюх на землю, перекрестились — и вперёд. У самой вершины палки. Если идут двое, первый, кто взобрался, подаёт палку и тянет. Читатель уже догадался: эту вершину осваивает ловкий, смелый и сильный.

Мне же шестой год, заморыш, но я смело хожу на эту гору, правда, катаюсь на санках. Санок у меня практически нет. Иногда мама разрешает взять большие санки-чунки, на которых возим воду. Они громоздкие, длинные и тяжёлые, занимают чуть не полгоры, всег-

да всем мешают. Они всегда обледенелые, их заносят в избу, чтобы растаял лёд, просушивают. Словом, вещь нужная для семьи, не для забав. Мама их ремонтирует сама, связывает полозья проволокой, ивовым прутом. Просит аккуратнее ездить. И на Епри нельзя, потому что там около дороги куст, разросшийся куст ивы, а рядом с ивой шиповник. Сколько раз возвращались мы с синяками, царапинами, потому что санки всегда норовили въехать в самую середину этого куста.

Теперь же — на лыжах!

Беру левую лыжу, исправляю крепление, вставляю ногу, поглядывая вниз, куда покачусь. И что вижу? Правая покатила сама, подпрыгивая на неровностях горы, набирая скорость! Катилась быстро, минуя куст! И вот уже её не видно... Я бегу за ней, но разве догонишь, если она набрала скорость сразу на вершине горы? Подбегаю к речке, не надеясь её увидеть. Наверное, плывёт к большой реке Кубене, наслаждается свободой. И вдруг замечаю: нет у неё свободы, зацепилась за прут, покачивается на струйках воды, лежит поперёк речки. Что делать? Первое, что приходит на ум, — скинуть валенки и в воду! Но вот лыжа развернулась по течению, могу не успеть словить её. Ложусь на сугроб и ползу к речке, хватаю беглянку. А как обратно? Встать нельзя: могу провалиться под снег, там же вода! К мокрой лыже пристал снег, она стала тяжёлой, но мне удаётся выкинуть её на берег. Какими-то необъяснимыми движениями ползу, ложусь на кромку снежного берега. Переворачиваюсь... Встаю. Беру лыжу — и вперёд, на гору! Кругом никого. Но откуда-то берутся силы, не замечаю скользкого льда. Я на вершине! И не падала на четвереньки, и никто не протягивал палку, не помогал! Сама! Сама! Но ехать на лыжах с горы нельзя, беглянка моя обледенела, надо нести её домой, ждать, когда растает лёд, она высохнет и станет лёгкой...

— И что-то быстро ты сегодня вернулась! Замёрзла? — Бабушка Ираида начинает хлопотать: берёт тазик, блюдо.

— Ноги — в тазик! Руки — в блюдо! Вот так и сиди! А потом на печь. Зима ещё не кончилась, не заболеешь — успеешь покататься.

— Ага, успеешь! Вот сегодня уже день пропал.

— Надо высушить катаники. Хорошо, что высохнут до завтрашнего дня, потом мама будет снова их кропать. Сиди дома два дня спокойно, а Епри никуда не уйдут.

— А что, на Епри ходила? — Это мама вернулась со скотного двора.

— Не рассказывает, а, по-моему, накупалась в Талице.

Я притихла. Лежать на печи не хотелось. Что, если целых два дня никуда не выйти? Два дня! Конечно, меня могли наказать, вообще не отпускать кататься, ведь на Епри запретили ходить, тем более на лыжах.

Хотелось заплакать, но слёз не было. Перед глазами стояла маленькая весёлая речка Талица, сверкали её струйки, напевая чудную тихую песенку. Я уснула. И снились мне лыжи, медленно плывущие по течению, и не одна, а обе, друг за другом.

Проснулась я от возмущённого голоса бабушки Ираиды:

— Ты только подумай, Еня, — жаловалась она моей родной бабушке, которая жила в доме рядом с нами, — только подумай! На Епри уносило, каталась на лыжах, пришла замёрзшая. Я думала, мне показалось: идёт в обнимку с двумя лыжами, обледеневшими, тяжёлыми, улыбается, руки, как у голубка, красные, еле отогрела, катаники только что подшила Галина... Стельки отвалились. Но это оказалось явью: внучка твоя совсем отбилась от рук, делает что хочет: на Епри унесло! На лыжах! Ничего не боится! Безотцовщина. Галине взять бы вицу и отхлестать, так нет! Она осмотрела лыжи,

поставила их оттаивать, просушить и говорит: «Вечером буду ремонтировать крепление...»

И ведь починит! И не запретит ездить по горам...

*Январь — ноябрь 2024 г.,
деревня Черёмухово (бывшая Чертунья)
Харовского района Вологодской области,
Череповец*

НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО, НЕ ЖЕНСКОЕ...

Галине нравилось, что дочка растёт не неженкой, любит кататься на санках, на лыжах. Ей самой в детстве не пришлось так резвиться: отдали в няньки, где приходилось терпеть ругань хозяйки, даже побои. Одежды, обуви не было, жили бедно и трудно. Не до забав.

Галина осмотрела лыжи: «Ой, ненадёжное это дело — крепления. Они должны были входить в лыжу, отверстие было аккуратно выдолблено, но, видимо, отломался кусочек дерева, и бывший хозяин приколотил крепление сверху прямо к лыже... Гвоздики маленькие, а нагрузка большая, сейчас это делать бесполезно, не будут гвоздики держать брезентовое крепление».

Галина рассматривала лыжи, вздыхала, вспоминала своего умельца — брата Лёню. «У него на лыжах был приколотен кусочек жестяной крышки от банки... Ну и что? А ведь катался, и лыжа не ломалась... У меня ни гвоздиков, ни долота, ни жести... Пойду к своему спасителю, только он может помочь».

Дедушка Финаен был единственным мужчиной в деревне.

— Знаю, болеешь, но не могу без твоего совета. Жалко девчонку, сидит дома, смотрит, как катаются сверстники, а у нас и чунки сломались, и вот... лыжи.